

Императорский город.

Зал государственных совещаний.

Сегодня под сводами зала царило смятение. Придворные, ещё не оправившись от пережитого ужаса, испуганно перешёптывались. Воины Армии Гуйжун, удерживая чиновников по обе стороны прохода тупыми сторонами клинков, приказывали им молчать и не сметь поднимать головы.

— Что происходит? Что стряслось?

— Почему он здесь?

— Его Величество не лишал его должности, отчего бы ему и не прийти?

— Эх, я его несколько месяцев не видел. Столько времени прошло, думал, его уже в живых нет...

— Раньше-то ладно. Теперь ему несдобровать. За такое по головке не погладят. Сдаётся мне, сейчас ему и жить тошно, и умереть не дадут.

Причиной этого шума был затянутый в чёрное ассасин, который стоял на коленях в самом центре зала, заламывая назад связанные руки под надзором воинов Армии Гуйжун.

Этим человеком был не кто иной, как канцлер Шэнь Чжиюй.

Часом ранее...

Император вернулся в столицу, и по обыкновению было созвано утреннее собрание. В час Тигра над Полуденными воротами загремели барабаны. Дворцовые ворота распахнулись, и чиновники, выстроившись согласно табели о рангах, чинно вошли внутрь. Юань Чэ прибыл из внутренних покоев и занял своё место на драконьем троне. Собрание шло своим чередом, чиновники обсуждали государственные дела — всё продвигалось строго и размеренно.

Пока на середине совета прямо с потолка не рухнул облачённый в чёрное убийца.

Находившиеся в зале воины Армии Гуйжун среагировали мгновенно. С обнажёнными клинками они ринулись наперерез, целясь в уязвимые точки нарушителя. Схватка вспыхнула и погасла в одно мгновение, но едва Юань Чэ разглядел лицо нападавшего, как его сердце

пропустило удар, а в глазах помутилось от ярости.

— В живых взять! — исступлённо взревел он.

Если вначале Юань Чэ испытывал лишь гнев и недоумение, то когда воины Армии Гуйжун скрутили покушавшегося и выволокли его на возвышение перед троном, он окончательно оцепенел. Перед ним стоял Шэнь Чжияй.

И этот человек, глядя ему прямо в глаза, ледяным голосом процедил:

— Ты натравил волков, которые насмерть загрызли мою служанку. Этого я тебе вовек не прощу. Либо ты умрёшь, либо я.

Юань Чэ лишился дара речи.

— Что?.. — только и смог выдавить он.

Что, во имя всех богов, творит Шэнь Чжияй?

Он якобы убил его служанку?

Юань Чэ прекрасно знал, чьих рук это дело. Зачем Шэнь Чжияй несёт эту чушь?

Вчера ведь всё было хорошо. Как за одну ночь всё могло так...

Нет, здесь что-то другое.

Воспоминания нахлынули бурной, хаотичной волной. Пробиваясь сквозь этот мысленный хаос, Юань Чэ нащупал истину.

Он вдруг вспомнил, что вчера, выйдя из Императорской тюрьмы, Шэнь Чжияй вёл себя крайне странно. Те слова... тогда Юань Чэ решил, что канцлер просто злится, но теперь, прокручивая их в голове, он понял: это было прощание. Словно Шэнь Чжияй, договорив, собирался ступить на стезю, с которой нет возврата.

Всё сходится.

Тень-Четырнадцать наверняка поведал ему нечто критически важное, что и заставило Шэнь Чжияя так резко перемениться.

Но Тень-Четырнадцать мёртв, и теперь правда известна лишь самому канцлеру.

Это был тупик. Безвыходный, смертельный капкан.

Шэнь Чжиюй всегда предпочитал светлые одежды из тонкого шёлка с широкими рукавами — этот летящий силуэт удивительно гармонировал с его утончённым обликом. Юань Чэ почти никогда не видел его в таком чёрном, облегающем и практичном одеянии убийцы. Тёмная ткань местами потемнела от проступившей крови, очерчивая силуэт. Шэнь Чжиюй стоял на коленях, его стройная фигура казалась хрупкой, но прямой. Кожаные ремни, стягивающие бедра и узкую талию, скрывали смертоносные орудия, приготовленные для покушения.

— Ваше Величество... — Уянь, стоявший поодаль, пребывал в крайнем замешательстве. В присутствии Армии Гуйжун никто не должен был подобраться к императору с оружием.

Но этим человеком оказался Шэнь Чжиюй — единственный, против кого сам император никогда бы не стал держать оборону.

Этот возглас заставил Юань Чэ очнуться. Он вскинул голову и обвёл взглядом замерших вдоль стен чиновников. Искажённые ужасом лица не оставляли сомнений: каждый из них прекрасно разглядел лицо Шэнь Чжиюя.

Если прежде слухи о «покушении» были лишь досужими сплетнями, то теперь, когда все доказательства налицо, вина канцлера стала неоспоримым фактом.

Замять это дело больше не удастся.

— На что вы вылупились? Развлекаетесь?! — лицо Юань Чэ потемнело от гнева. Он яростно смахнул со стола тушечницу и кисти. Раздался оглушительный грохот. Даже в этом безумии остатки разума твердили ему: нужно немедленно удалить посторонних. Он ледяным тоном прорычал: — Вон! Все вон!

Гнев владыки достиг предела. Не смея перечить монаршей воле, придворные поспешно склонили головы и, притворившись глухими и слепыми, бесшумно потянулись к выходу.

Юань Чэ вновь повернулся к Шэнь Чжиюю, собираясь заговорить, как вдруг тишину зала пререзал отчаянный крик:

— Брат!

Вэнь Цзыюань тоже находился среди придворных. Чин его был невелик, поэтому стоял он у самых дверей. В начавшейся суматохе никто не обратил на него внимания, и он, улучив момент, выскочил из толпы и бросился на Юань Чэ:

— Отпусти моего брата!!!

Едва подавленная ярость Юань Чэ вспыхнула с новой силой. Вэнь Цзыюань полез на рожон в самый неподходящий момент. Прежде чем Шэнь Чжияй успел его остановить, Юань Чэ перехватил руку юноши. Резкий залом — раздался сухой треск ломающейся кости. Вэнь Цзыюаня отшвырнуло в сторону; глухой стон боли и кровавые брызги вырвались из его рта. Юань Чэ брезгливо отпустил его, и юноша покатился по полу, оставляя за собой багровый след.

Елюй Лу порывался ринуться к нему, но Елюй Хагэ тяжёлой хваткой сжал его плечо и, скрытый от взгляда императора, предостерегающе покачал головой.

— Отец? Но я...

— Не глупи.

Вэнь Цзыюань выплюнул ещё одну порцию крови. Он попытался подняться, но израненное тело не слушалось, заставляя его бессильно повалиться на бок.

— Кха... кха... пёс-император... — прохрипел он.

На мгновение лицо Шэнь Чжияй дрогнуло от боли, но стоило ему услышать, что у кузена ещё есть силы ругаться, как он взял себя в руки. Канцлер прикрыл глаза и отвернулся.

Юань Чэ нанёс удар вполсилы — он пощадил внутренние органы Вэнь Цзыюаня, лишь лишив его возможности продолжать буйствовать.

— Брат... — глаза Вэнь Цзыюаня покраснели от слёз. — Не бойся... я спасу тебя...

— Какая трогательная преданность! — Юань Чэ сделал шаг вперёд и, грубо схватив Шэнь Чжияй за подбородок, заставил того смотреть на себя. Затем он бросил Вэнь Цзыюаню: — Жертвой покушения вообще-то пал я, но сейчас всё выглядит так, будто главный злодей здесь — ваш покорный слуга. Твой брат уже дважды пытался меня убить. За то, что он натворил, его мало казнить сотню раз. Шэнь Чжияй, одумайся, иначе твой драгоценный кузен умрёт прямо у тебя на глазах.

Шэнь Чжияй нахмурился и медленно разомкнул веки.

— Я даю тебе шанс. Скажи хоть слово. Скажи, что у тебя были причины, и я отпущу тебя! — яростно потребовал Юань Чэ.

Он схватил Шэнь Чжияй за ворот и рванул вверх, заставив того приподняться с колен. В этот

миг Юань Чэ казался самым безумным человеком в зале заседаний. Его руки дрожали от сдерживаемой ярости, он жаждал крушить всё вокруг, но не смел применить силу к Шэнь Чжиюю. Он лишь пристально вглядывался в его лицо — лицо, которое любил две жизни подряд и на которое не мог наглядеться.

Ещё вчера он наивно полагал, что лёд между ними растаял. Он втайне радовался, надеясь вернуть Шэнь Чжиюя с того берега бездны.

Он строил планы на их совместное будущее.

Шэнь Чжиюй покосился на Вэнь Цзыюаня, который, задыхаясь от боли, всё ещё тщетно пытался подняться. Проигнорировав выпад императора, он ответил на его прошлое условие:

— Отошли Цзыюаня отсюда. Он ни при чём. Если он умрёт здесь, ты больше не услышишь от меня ни единого слова.

— Ты!..

Юань Чэ замер, но в следующее мгновение на его лице отразилось горькое смирение. Он разжал пальцы и вернулся на драконий трон.

— Хорошо. Очень хорошо.

В этом был весь Шэнь Чжиюй. В прошлой жизни он готов был расшибиться в лепёшку ради Ли Хая, в этой — ради Вэнь Цзыюаня. И только ему, Юань Чэ, в этой очереди никогда не находилось места.

Император даже горько усмехнулся и пожал плечами:

— Елюй Лу, ты слышал? Забирай своего названного брата и веди к Чжото. Да пусть лекарь осмотрит его как следует, чтобы наш господин канцлер не изводил себя понапрасну.

Только после этих слов Елюй Хагэ разжал пальцы. Елюй Лу вихрем метнулся к Вэнь Цзыюаню и, стараясь не тревожить сломанную руку, бережно поднял его на руки.

— Убирайся, Елюй Лу! — слабо брыкался Вэнь Цзыюань. — Не трогай меня! Пусти!

— Живее, позовите Чжото в боковой зал! — приказал Елюй Лу стражникам, а затем негромко сказал юноше на руках: — Не дёргайся. Успокойся и не шевелись.

Но Вэнь Цзыюань и слушать его не желал. Пользуясь тем, что Елюй Лу прижимает его к себе,

он попытался вырваться и броситься к Шэнь Чжиюю. Вдруг резкий, точный удар пришёлся ему по затылку. В глазах потемнело, силы мгновенно покинули тело, и он обмяк.

Елюй Лу перехватил потерявшего сознание юношу поудобнее, коротко поклонился Юань Чэ и поспешно покинул Зал государственных совещаний.

Юань Чэ проводил их взглядом. Присутствие воинов Армии Гуйжун теперь казалось ему невыносимым. Он небрежно взмахнул рукой, приказывая всем убираться вон.

Равномерный стук шагов удалился и вскоре затих в отдалении. В мгновение ока величественный зал опустел. Они остались одни.

Утреннее солнце окончательно взошло, его лучи пробивались сквозь резные оконные рамы, заставляя парящие в воздухе пылинки искриться золотом. Но эта яркая безмятежность природы лишь подчёркивала мрак, царивший в душах двух самых могущественных людей Великой Чу. Один сидел на троне, другой стоял перед ним на коленях. Расстояние между ними не превышало трёх шагов, но сейчас оно казалось непреодолимой пропастью.

Они так и не смогли сделать шаг навстречу друг другу.

— Шэнь Чжиюй, — Юань Чэ глубоко вздохнул. После пережитой бури эмоций в его душе воцарилась пугающая, мёртвая тишина. — Ты...

И замолчал. Что сказать дальше? Он хотел спросить, нет ли у канцлера скрытых мотивов, не пытается ли тот разыграть очередной спектакль, чтобы помочь ему? Но какая теперь разница? Исход уже предрешён. Кому, как не Юань Чэ, знать упрямый нрав этого человека? Если Шэнь Чжиюй что-то вбил себе в голову, его никто не остановит.

Может, спросить о чём-то стороннем, чтобы разрядить обстановку? Да, он снова сорвался и натворил дел, но если сейчас заговорить о пустяках, Шэнь Чжиюй решит, что у него помутился разум.

Какая нелепость.

В конце концов Юань Чэ откинулся на спинку трона и, собрав остатки самообладания, спросил:

— Шэнь Чжиюй... скажи, что ты на самом деле обо мне думаешь?

Эти слова, негромкие и простые, всколыхнули душу Шэнь Чжиюя, заставив его сердце тревожно сжаться. Он вновь опустил голову, не желая видеть растерянность и надежду в глазах императора. Ему казалось: стоит отвести взгляд, и былая решимость вернётся. Когда он снова поднял лицо, перед Юань Чэ стоял прежний канцлер Великой Чу — холодный, загадочный и непреклонный.

— Тебе действительно так важно, что у меня на уме? — вопросом на вопрос ответил он.

— Важно, — отрезал Юань Чэ без колебаний. — И твой повод для покушения — полная чушь.

Голос Шэнь Чжиюя слегка охрип:

— Ваше Величество, порой путь не имеет значения, важен лишь итог. А итог таков: я просто искал предлог, чтобы лишить тебя жизни.

— Ты бы не смог. Я же видел, как ты едва не расплакался у реки, когда узнал о гибели той девушки.

— Слезы тоже можно сыграть. Разве до этого я не притворялся влюблённым и покорным, чтобы усыпить твою бдительность? Нам ведь было весьма приятно проводить время вместе, не так ли?

— Притворялся?... — эхом повторил Юань Чэ.

— Ваше Величество, ты совсем меня не знаешь. Придворные ненавидят меня, и у них есть на то веские причины. Они не ошибаются в своих суждениях: в глубине души я корыстен и эгоистичен. Я всегда принимаю сторону того, кто мне выгоден, — слова Шэнь Чжиюя звучали легко и отстранённо, словно он говорил о постороннем человеке. Его нисколько не пугало, что подобные признания перед лицом повелителя могут стоить ему головы. Ему было всё равно. Он даже мягко добавил: — А ещё я прекрасно умею втираться в доверие.

Шэнь Чжиюй редко предавался столь длинным рассуждениям. Юань Чэ молча выслушал его, не сводя с него пристального, тёмного взгляда.

В зале вновь воцарилась недолгая тишина.

Когда Шэнь Чжиюй решил, что разговор исчерпан и дело сделано, Юань Чэ вдруг тихо и безмятежно рассмеялся. Он потянулся к канцлеру и нежным жестом заправил ему за ухо выбившуюся из причёски прядь волос:

— Шэнь Чжиюй, сколько я тебя знаю, но лишь сегодня впервые понял, что есть вещи, в которых ты совершенно бездарен.

Шэнь Чжиюй едва заметно вздрогнул.

— Будь твои слова правдой, — мягко продолжил Юань Чэ, — ты бы не стал тратить столько сил на оправдания.

Шэнь Чжиюй промолчал.

— Ты ведь надеешься, что если очернишь себя или скажешь глупость побольнее, то я возненавижу тебя? Решу, что ты предал мои чувства, и в слезах отрекись от тебя? — Юань Чэ горько усмехнулся. — Брось. Ты за кого меня принимаешь? Я же не слепой. Ты лжёшь мне в лицо, и я не верю ни единому твоему слову.

— Ты утверждаешь, будто ищешь лишь выгоду. Тогда ответь: почему в царстве Ли, когда до тебя дошли ложные слухи о моей гибели, ты предпочёл пойти на верную смерть вместе с врагами? В чём тут была твоя выгода? И когда царство Ли подчинилось нам, ты ночами не спал, составляя Свод законов Ли, а стоило жизни простых людей наладиться, как ты молча ушёл, предоставив мне пожинать плоды твоих трудов. Где же здесь корысть?

— Тогда я действительно хотел тебе помочь, — холодно отозвался Шэнь Чжиюй. — А теперь передумал.

— Нет, ты опять лжёшь. Если бы ты правда желал моей смерти, у тебя было множество возможностей наедине. К чему устраивать это представление прямо во время собрания, на глазах у сотен людей? — уверенно произнёс Юань Чэ. — Ты разыграл этот спектакль для зрителей. И на этот раз решил обмануть даже меня. К тому же, положи руку на сердце... с твоими скромными навыками боевых искусств ты надеялся меня одолеть? О чём ты думал?

Шэнь Чжиюй промолчал. Рассуждения императора были настолько убедительны, что он сам едва не поверил им.

— Всё это лишь твои домыслы, — наконец произнёс он.

— Позволю себе процитировать твои же слова, господин канцлер, — отозвался Юань Чэ. — Правда ли это — решать не языку.

В этот момент снаружи послышались торопливые шаги. Шэнь Чжиюй отстранился, увеличивая дистанцию. Юань Чэ умолк и, не дожидаясь стука, громко крикнул:

— Войди!

Чжото вошёл, низко склонив голову:

— Ваше Величество, молодой господин Вэнь вне опасности. Перелом не затронул жизненно важных суставов. Однако я обнаружил, что самое тяжёлое ранение у него на спине. Судя по следу, это рана от арбалетного болта, какие используют только в Армии Гуйжун.

Юань Чэ сегодня даже пальцем не коснулся его спины!

Шэнь Чжиюй резко обернулся. Его губы приоткрылись, готовые сорваться на расспросы, но вовремя вспомнив о своём нынешнем положении, он смолк.

Заметив это едва уловимое движение, Юань Чэ спросил вместо него:

— Он дрался с воинами Армии Гуйжун? В последнее время он постоянно увивался вокруг Елюй Лу, разве его не знают в лицо?

Лекарь замялся:

— Этого... ваш слуга знать не может...

— Довольно. Рана опасна?

— Немного. Рану вовремя не обработали, и началось нагноение. Но ничего непоправимого нет.

Юань Чэ кивнул. Он заметил, как Шэнь Чжиюй заметно расслабился после этих слов.

— Раз не умрёт и не останется калекой, то и ладно. Ступай в боковой зал и жди там.

Выслушав приказ, Чжото удалился. Юань Чэ перевёл взгляд на Шэнь Чжиюя.

Многодневная усталость и бурные переживания подкосили здоровье канцлера. Он держал спину прямо лишь неимоверным усилием воли.

Они оба смертельно устали.

Император медленно поднялся. Его утомлённый, но твёрдый взгляд выражал непреклонную решимость. Пальцы, опущенные вдоль тела, сжались в кулаки и снова разжались.

— Шэнь Чжиюй, я прекрасно понимаю, что у тебя свои мотивы. Я уважаю твой выбор. Но запомни одно: я приложу все силы, чтобы найти доказательства твоей лжи. Нам суждено делить эту судьбу ещё очень долго.

— Как тебе угодно, — безразлично отозвался Шэнь Чжиюй.

— Отлично. С этой минуты каждый из нас идёт своим путём.

Величественные очертания Императорского города с его искусной резьбой и причудливыми крышами возвышались над городом, застыв в вечном безмолвии. Полдненное солнце поднялось в самый зенит.

Как и следовало ожидать, в последующие пять дней Юань Чэ не позволил Шэнь Чжию покинуть пределы Императорского города.

Всё это походило на долгий, затянувшийся сон. Они словно вернулись во времена, когда только-только утих мятеж Жёлтых повязок.

Юань Чэ вёл себя как обычно: управившись с государственными делами, он неизменно приходил ужинать вместе с Шэнь Чжиюем. Даже если они сидели в полном молчании, обмениваясь неловкими взглядами, он всё равно не пропускал эти встречи.

Шэнь Чжиюй как-то раз прямо попросил его больше не приходить. Услышав это, Юань Чэ молча отложил палочки для еды и в тот вечер действительно не явился. Однако его отсутствие продлилось лишь сутки. Вскоре Шэнь Чжиюй начал замечать за собой странную сонливость. Он никогда прежде не спал так много, и это наводило на мысль, что в его пищу что-то подмешивают. Однажды он изо всех сил старался не уснуть и посреди ночи заметил, как Юань Чэ тихонько проскользнул в его покои. Император сел у постели и долго сидел неподвижно, уткнувшись лицом в ладони.

Его плечи мелко дрожали.

Когда Юань Чэ наконец без сил склонил голову на стол и заснул, Шэнь Чжиюй бесшумно поднялся с постели и присел напротив него, бережно вглядываясь в его лицо.

Юный волчий король, столь высокомерный и грозный при свете дня, в ночной тиши казался беззащитным, одиноким ребёнком, который ни за что на свете не признает своего поражения.

В конце концов, Юань Чэ едва исполнилось двадцать. Другие юноши его возраста росли под опекой родителей, не зная забот, наслаждались молодостью и ухаживали за приглянувшимися девицами. Ему же пришлось взвалить на плечи бремя разваливающегося государства Великой Чу и наступить на горло собственным чувствам.

От этих мыслей сердце Шэнь Чжиюя болезненно сжалось. Он наклонился ближе и едва слышно запечатлел нежный поцелуй на мягких волосах спящего императора.

«Прости меня».

Он не заметил, как кончики пальцев руки, на которую Юань Чэ уложил голову, едва заметно дрогнули.

Вэнь Цзыюань несколько раз пытался прорваться к нему. Однажды Шэнь Чжияй даже расслышал его приглушённый крик за дверями павильона. Но Юань Чэ вовремя перехватил упрямого юношу, снова задал ему трёпку и заставил Елюй Лу уволочь его прочь.

Так продолжалось до пятого дня.

Снадобье, которое Юань Чэ давал Шэнь Чжияю, не было ядом. Он просто приказал Чжото подобрать успокаивающие отвары, чтобы восполнить истраченные силы канцлера. Побочным действием этих лекарств была сильная сонливость, но от любого шороха Шэнь Чжияй мог легко проснуться.

В этот вечер Юань Чэ задержался по делам. Шэнь Чжияй читал книгу и сам не заметил, как задремал. Внезапно чья-то рука осторожно коснулась его плеча, выводя из забытья. Перед ним стоял человек в одеянии маленького евнуха.

— Господин канцлер, сегодня ваш шанс, — торопливым шёпотом проговорил ночной гость. — Господин Ян прислал меня, чтобы вызволить вас отсюда.

Шэнь Чжияй разомкнул веки и окинул пришедшего внимательным взглядом. Осанка и манера держаться выдавали в нём кого угодно, только не робкого слугу. Его хитрый, цепкий взгляд напомнил Шэнь Чжияю о Кун Яньцю.

— Ты уверен, что мы сможем выбраться? — негромко спросил Шэнь Чжияй, косясь на плотные ряды стражи за окном.

— Четыре великих семейства служат империи не первое десятилетие. С такой мелочью мы совладаем, — засуетился лжеевнух, указывая путь к выходу. — Пойдёмте быстрее, господин. Мы сделаем всё, чтобы этот варварский император больше не смог до вас дотянуться.

Шэнь Чжияй мельком глянул на правую руку проводника — на мизинце явно недоставало одной фаланги. Канцлер понимающе улыбнулся и кивнул.

— Веди.

Рыба наконец-то проглотила наживку.